

Научная статья
УДК 159.9.01:165
<https://doi.org/10.24158/fik.2021.10.2>

Трансформация технических ценностей в сознании индивида: от первой природы до гиперреальности

Дмитрий Викторович Ковалев

Вологодский государственный университет, Вологда, Россия,
3482041@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5127-6160>

Аннотация. В статье анализируется процесс формирования и укоренения технических ценностей в сознании человека. Отмечается, что увеличение объема и мощи техносферы затрагивает и изменяет не только окружающую среду, но и самого человека. Индустриализация и научно-техническая революция спроектированы сознанием человека, и в то же время они трансформируют сознание, подвергая его тотальной технизации. Наибольшей трансформации за всю историю человечества сознание подвергается в условиях современной техноцивилизации. Сознание, столетиями отражавшее примерно одну и ту же реальность, «вынуждено» созерцать стремительно меняющуюся картину мира и, отражая ее, трансформироваться. Делается вывод о том, что философский анализ технических ценностей позволяет определить, какое место в сознании человека занимает техника и насколько технизация затрагивает глубины сознания и алгоритмы человеческого мышления.

Ключевые слова: технические ценности, сознание, антиценность, информация, техносфера, иерархия ценностей, гиперреальность, индустриальный мир

Для цитирования: Ковалев Д.В. Трансформация технических ценностей в сознании индивида: от первой природы до гиперреальности // Общество: философия, история, культура. 2021. № 10. С. 18–22. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.10.2>.

Original article

Transformation of technical values in individuals' consciousness: from the first nature to hyperreality

Dmitry V. Kovalev

Vologda State University, Vologda, Russia,
3482041@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5127-6160>

Abstract. The article analyzes the process of formation and establishment of technical values in human consciousness. It is noted that the increase in the volume and power of the technosphere affects and changes not only the environment, but also the person. Industrialization and the scientific and technological revolution were designed by human consciousness and at the same time they transform individuals' consciousness, subjecting it to total technization. Consciousness undergoes the greatest transformation in the entire history of mankind in the conditions of modern techno-civilization. Consciousness, which has reflected approximately the same reality over the centuries, is "forced" to contemplate a rapidly changing world and transform, reflecting it. It is concluded that the philosophical analysis of technical values allows us to determine what place technology occupies in human consciousness and to what extent technization affects the depths of consciousness and the algorithms of human thinking.

Keywords: technical values, consciousness, anti-value, information, technosphere, hierarchy of values, hyperreality, industrial world

For citation: Kovalev D.V. Transformation of technical values in individuals' consciousness: from the first nature to hyperreality // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 10. P. 18–22. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.10.2>.

Аксиология как философская наука начала оформляться в отдельную отрасль лишь в XIX – начале XX вв. Тогда же начался процесс осмысления техники как ценности самой по себе и фактора, изменяющего мир ценностей. В современной аксиологии широко распространенным является мнение о том, что ценностный аспект анализа столь сложного феномена, как техника, необходим и своевременен. Наличие ценностей – признак осмысленного отношения к действительности. Ценность как важность объектов и явлений реальности для социума в целом или отдельного индивида связана с деятельностью человеческого разума и способностью человека к труду, поиску

смыслов, осознанному совершению действий. Ценности – результат оценки предмета человеческим сознанием, но люди склонны переносить свои свойства на предметы. Ценность трансцендентна и изменчива, зависит от оценки, меняется с приобретением опыта и новых знаний. Еще в конце XX в. Э. Агацци, в ответ на тезис о некоей абсолютной объективности развития современной цивилизации, задавался вопросом, как же существует такая цивилизация, напоминая, что только человек может ставить цели, отстаивать ценности [1, с. 79]. Ценности наполняют культурное пространство, включаясь в процесс конструирования технической реальности. Следовательно, полнота обсуждения вопросов технизации сознания, от технического восприятия до миропонимания, возможна только с учетом ценностных компонентов и в контексте ценностного подхода.

Изначально вопрос о ценности технического поднимался в Античности (Платон, Аристотель и др.), где происходил процесс так называемой десакрализации техники, причем происходило это в рамках философского рождения проблемы ценностей и их иерархии (мудрость как высшее благо у Сократа, счастье – у Эпикура, наслаждение – у Демокрита и т. д.).

В Средние века мыслители, понимавшие высшие ценности как веру, способность к созерцанию, добродетели, видели в технике «...своего рода естественную магию» [2, с. 46]. Для такой системы ценностей характерно отрицание субстанциональности зла (соответственно антиценности в иерархию не входят), а также деление ценностей на высшие и низшие. Религия в ее классическом виде существует и развивается в условиях второй природы, которая изобилует техническими артефактами, но при этом технические ценности не выделяются в отдельную группу, а люди, занимающиеся производством технических артефактов или изобретением, не выделяются в какую-либо привилегированную социальную группу – считается, что это дано свыше.

Эпоха Возрождения переориентировала человека на антропоцентрический принцип миропонимания, что отразилось на техническом мироотношении (мир рассматривается как инструмент, некое подручное средство). Далее культ науки в Новое время стимулировал рост представлений о прогрессе в сфере технологий, трактуя техническое как символ и воплощение прогресса, основу жизнедеятельности цивилизации.

Технические ценности в традиционном обществе как первой, так и второй природы не занимали какой-либо отдельной ступени, но были распределены по всей аксиологической лестнице. Храм как сложный технический артефакт мог занимать верхнюю позицию в ценностной иерархии, мог быть ценным сам по себе, а также имел ценность потому, что был местом встречи человека и божества. Технический артефакт меч представлял своего владельца, мог иметь историю. Обычный производственный или строительный инвентарь также мог «сакрализироваться» и быть привязанным к владельцу. Это позволяет говорить о том, что технические артефакты, как правило, не имели собственного места в аксиологической лестнице, если речь не идет о моменте торга на обезличенном денежном рынке (такие рынки были и в древности). Нужно заметить, что стремление связывать технический артефакт с именами людей, древних богов или событий не исчезло и в наше время (имеется в виду традиция именованья улиц, кораблей, торговых центров и т. д.). Нельзя не упомянуть об абстрактных ценностях, не относящихся напрямую к религии, но порожденных мифо-религиозным сознанием народа: «Святая Русь», «Вечный Рим», «Белый царь», «избранный народ» и т. д. Ценность зачастую есть не то, что в наличии, а то, к чему стремится человек. Стремление к таким абстракциям может дать мощный «пассионарно-технический взрыв» – это будет видно позже на примере Германии конца Нового времени или Советской России.

В период Реформации, совпавший с развитием капитализма, ценности второго порядка выходят из подчинения высшим ценностям. Здесь уже заложена возможность для технических ценностей восхождения по аксиологической лестнице, которую несколько позже усилят сенсуализм и утилитаризм. Школа фрейдистов окончательно разрушает постулат о несубстанциональности зла и специализируется именно на умозрении последнего. Мысли об отделении ценностей, в том числе технических, от объекта и субъекта содержатся в работах Г. Риккерта [3, с. 31]. Бытие ценностей здесь вне реальности, но и не на Небе как в религии. Непонятно, где живут и феномены Э. Гуссерля – не сущности бытия и не сущности сознания. Это способствовало трансформации ценностей, породило феномен «этики без морали» (лингвистический строй понятий, суждений, значений). В такой ситуации вновь стал востребован фрейдизм, подразумевающий, как уже отмечалось выше, созерцание субстанционального зла и предполагающий технологии решения проблем. В индустриальный период акцент сместился на вторичные ценности; в период бурного развития капитализма, сопровождаемого острой конкуренцией, и перенапряжения сил при строительстве коммунизма выживаемость обеспечивали техническое превосходство, научно-технический прогресс.

Идеология государств и наука также подстраивались под нужды технизации. Научно-технический комплекс приобрел значение общественного блага, сменив религиозные и абстрактные ценности. На уровне индивидуального сознания еще оставались ценности доиндустриальной

эпохи, такие как золотые украшения, приданое, хрусталь и т. д., но уже в послевоенное время их стали вытеснять технические артефакты – автомобили, стиральные машины, холодильники.

В «зрелом» СССР иерархию индустриальных ценностей можно представить следующим образом: общественное благо, совокупность технологий, техносфера, народное хозяйство (ВПК, медицина, образование, тяжелая промышленность, легкая промышленность и др.). Общественное благо сугубо материально и не подразумевает духовных ценностей, доступно только трудящимся (участникам производственной цепочки). Общественное благо и государственная собственность (государство) – одно и то же, поэтому четко не разделялось в сознании. На этой ступени находятся технические ценности, олицетворяющие мощь и достижения государства: космос, заводы-гиганты, ядерное оружие и «мирный атом». В такой системе ценностей отдельной личности нет места, если она не включена в производственный процесс.

Ценностная лестница индустриального периода капиталистических стран выглядит следующим образом. Государство и частная собственность санкционированы как божественной властью, так и коллективным договором. В кайзеровской, а затем и нацистской Германии наблюдался настоящий культ технических ценностей во всех областях человеческой деятельности, прежде всего в военной. Подобное отношение можно было наблюдать и в Японии, где при прямом отсутствии широко декларируемых технических ценностей кодекс чести, обязанность трудиться, уважение к труду, идеология особого пути особого народа вылились в технический рывок. В Британии, а затем в США флот, армия, оружие прямо понимались как символы и одновременно ресурсы могущества. В целом это приводит к культу технического прогресса как самоценности и идеологии материализма, «благословенного свыше». Таким образом, трансцендентные духовные ценности ведущих западных стран, закрепленные в конституционных документах, не помешали им достигнуть впечатляющих результатов во всех областях НТП.

При относительной простоте приведенной иерархии необходимо учитывать, что в ее «капиталистическом варианте» благодаря искусной манипуляции сознанием можно устанавливать бесконечное число связей и трансформировать значение ценностей (как технических, так и нетехнических) нового общества. Кроме того, в этой системе зло субстанционально, антиценности тоже можно занести в иерархию ценностей, противостоящих и угрожающих им.

В этом есть проблема – не всегда можно связать конкретную техническую ценность с высокой абстрактной ценностью. Сам прогресс является критерием оценки ценности: вещь становится ценной, если интересна, т. е. оправдывает ожидания (соответствует плану, проекту). Отчуждение человека от трансцендирующих истин стало следствием не столько объективных закономерностей экономической и научно-технической революции, сколько целенаправленного распространения идеологических установок антиморали [4, с. 54]. Ценность здесь – то, что должно быть, а не то, что есть или было раньше. Такова главная тенденция эволюции ценностей в следующую после индустриальной так называемую информационную эпоху.

Основной критерий оценки предмета как ценности – деньги – сам превратился в ценность, стянув в одномерное пространство все многообразие как духовных, так и материальных ценностей. В постиндустриальном обществе сформировался мир ценностей или царство ценностей, доступ к которым возможен только посредством оплаты. Роль технических ценностей здесь самая наивысшая: технологии оплаты, движение денег, учет и т. д. осуществляются только с помощью высоких технологий и вовлечения в работу неимоверного числа технических средств, связанных между собой. Индивид, не имеющий доступа в Интернет, оказывается фактически вне общества и цивилизации. Техника надежно охраняется и защищена от случайных поломок и преднамеренного вандализма системой охраны и наблюдения. Такую систему тотального контроля, выдаваемую за «помощника», облегчающего жизнь и обеспечивающего безопасность, удалось создать, манипулируя антиценностями.

Мир антиценностей, главной опорой и внутренним источником которого является античеловечность как таковая и ее синтез с некоторыми нейтральными качествами или потребностями человека, так же разнообразен, как и его ценностный мир [5]. Сами же ценности имеют идеальное в себе бытие и зачастую противоречат реальному миру. Техника и «денежное мерило» «снимают» эти противоречия между ценностями и антиценностями, подобно тому, как в мифомышлении первой природы снимали противоречия медиаторы. Техника дала возможность создания виртуальных ценностей – феноменов сознания, автономных от события и от познающего сознания (не отражение чего-либо) [6, р. 205]. В мире третьей природы иерархия технических ценностей достаточно проста. Для власти на первом месте стоят информационные ресурсы, способы их обработки и доведения до сознания населения «произведенных» феноменов-ценностей. Для индивида – получение сиюминутного удовольствия или удовлетворение простой потребности путем посылки запроса через Интернет. Между технократией и индивидом нет ни бюрократии, ни политических партий, ни оппозиции – все эти институты вполне заменяют техника и технологии.

В постиндустриальную (информационную) эпоху с ее новым типом культуры и социотехнической реальности – сетевой электронной и информационной культуры повседневности – резко выросла ценность кодов и статуса индивида в цифровой системе, именно от этого фактора зависит доступ к благам техносферы. Пример Китая (с разделением общества на касты/страты в зависимости от набранных баллов, подсчитанных и определенных искусственным интеллектом) показывает, как это возможно в действительности. В этом варианте развития будущего техносфера наблюдает, направляет, надзирает, оценивает и даже судит поведение человека. Можно предположить, что все коллизии и сбои в работе техносферы будут «свалены» на искусственный интеллект. Но каким бы ни стал интеллект будущего, за программой всегда стоит человек, который задает параметры (речь идет не о программисте, который тоже может со временем исчезнуть в данной модели, а о «кукловоде»).

Какова будет иерархия ценностей непривилегированного индивида, чье сознание прошло все стадии технизации? Видимо, главной ценностью станет технология поведения в техносфере, которая, в свою очередь, будет восприниматься как само собой разумеющееся, основная реальность. Ценность представляют не сколько сами технические артефакты, сколько производимые ими феномены. Речь идет о технологии поведения в техносфере третьей природы, а не в обществе, т. к. общество и его «старые» институты стремительно трансформируются. Мораль и нравственность в такой ситуации теряют ценность, поскольку «работают» в обществе и «требуют» свободы выбора и воли. Все это заменяет технология. Как предупреждал Ю. Хабермас, человечество может прийти до такого состояния, что уже более будет не способно осознавать себя в качестве этически свободных и морально равных, ориентирующих на нормы и основные принципы существ [7, с. 51–52]. Сомнительно, что в таком сознании будет формироваться какая-либо система и иерархия ценностей, ибо «клиповое мышление» не склонно к долгому анализу и логике. Религиозная потребность сознания в выходе за пределы материального будет удовлетворяться входящими в сознание соответствующими феноменами. Тогда и прогресс (кроме всего, что связано с прикладными технологиями) в принципе теряет свою ценность, как и другие «сложные» «старые» феномены (государство, право). Новые феномены имеют текучую, странную, бесвязную форму и не поддаются классификации и оценке. Общество живет в мире блип-культуры. Вместо длинных «нитей» идей, связанных друг с другом, основой становятся «блипы» информации: обрывки новостей, объявления, которые не согласуются со схемами [8, с. 33].

Оценка ценности происходит в результате стремления к ней, борьбы. Сознание-технология, функционирующее внутри третьей природы и получающее регулярно порции удовольствий-феноменов, в ценностном смысле одинаково воспринимает посещение церкви и турпоездку (и то и другое полезно). Уже сейчас мало кого смущают термины «человеческий капитал», «человеческие ресурсы», указывающие на сущность человека как на неодушевленную технологию и дающие понять, что у всего и всегда есть собственник, манипулирующий капиталом и пользующийся ресурсами. Есть индивиды, считающие себя или другого ценным ресурсом.

Подобная ситуация для философии не является новой. И. Кант, а затем Л. Витгенштейн считали, что человек может существовать и пытаться осмысливать мир, но аксиологическую иерархию сознание создать не в силах, т. к. все происходящее случайно, оценивание иллюзорно, ценности «географически» расположены по ту сторону бытия (в нашем случае – по другую сторону оцифрованного и поделенного на «касты» человечества) [9, с. 27]. Ф. Ницше, а затем и М. Хайдеггер пришли к выводу, что корень обесценивания ценностей находится в возросшем материально-техническом могуществе человека. Но какого именно человека? Место технических ценностей в сознании обывателя уже описано выше.

Ценности сознания проектировщиков постиндустриального общества можно проследить хотя бы на примере анализа концепции «нулевого роста» Римского клуба (Д. Медоуз, П. Самуэльсон и др.) [10]. Фактически эта концепция объявляет государственную индустрию антиценностью, ратуя за снижение всех макроэкономических показателей, особенно ВВП. Антиценностями являются завышенное потребление, научно-технический прогресс, доступный широкому кругу, рождаемость. Концепция возникла как реакция на кризис капитализма; неудивительно, что финансовый капитал трактуется как антиценность. Всемирное движение за инклюзивный капитализм – логическое продолжение концепции. Финансовый капитал (природа которого сложна и до конца не изучена) должен по замыслу проектировщиков трансформироваться в новую ценность – инклюзивный капитал (имеющий техническую природу), капитал социально-информационных систем, хранящих и обрабатывающих информацию обо всех, манипулирующий стратами и индивидами. Если в рабовладельческом обществе подвергалось отчуждению тело человека, в феодальном обществе объект отчуждения – земля, в капиталистическом – рабочее время и способность к труду, то постиндустриальном обществе объект отчуждения, реализуемого путем тоталь-

ной технизации сознания, – сознание индивида [11, с. 90]. Сознание – технология, сформированная матрицей, контролируемая матрицей и не выходящая умозрительно за пределы, дозволенные матрицей, есть главный идеал такого общества. Ключевая ценность постиндустриального (информационного) общества – информация – видимо, будет доступна не всем, а людям, имеющим допуск. Технологии производства (значительно сокращенного в объеме) сакрализуются и принадлежат корпорациям, уходят из ведения государства, из ценности для всех граждан превращаются в эксклюзивную ценность для «избранных». «Старые» институты (государство, гражданское общество, право, армия) из ценности трансформируются в симулякры или демонтируются. При этом для демонтажа или профанации этих институтов используются «старые» ценности. Например, активнейшее участие в движении инклюзивного капитализма принимает Католическая церковь, призывая к аскезе (для сокращения потребления, а следовательно, и производства). Ж. Аттали, говоря о глобальной системе распределения, вспоминает коммунизм и К. Маркса [12, с. 45]. «Традиционные» ценности активно используются для демонтажа гражданского общества и торможения процесса научно-технического прогресса «для всех». Максимум, на что в научно-техническом плане могут рассчитывать «неотрадиционщики», это солнечная батарея и, разумеется, системы слежения и контроля за ними же.

Таким образом, формирование ценностного мира информационного/цифрового общества подходит к стадии завершения, что позволяет, по крайней мере, описать контуры ценностной лестницы будущего. Можно констатировать исчезновение высших ценностных «ступеней» и дезавуирование «классических» ценностных групп гносеологического и этико-эстетического плана. Трансформация базовых (витальных, связанных с комфортом и безопасностью и т. д.) ценностей происходит в направлении их «увязки» с доступом к Интернету. Здесь имеется в виду, что получение информации, необходимой для социальных взаимосвязей, становится не всем либо не всегда доступной операцией, требующей локализации в жилище или пространстве функциональности информационных технологий. Это же можно сказать относительно статусных потребностей (подтвержденный соответствующим кодом, паролем статус индивида в социальных сетях, на сайтах госуслуг и т. п.). Сам процесс жизнедеятельности социального большинства в реалиях «одномерного пространства» представляет собой единый ряд феноменов, произведенных техносферой (работа, отдых, лечение, развлечения), на одном уровне лестницы ценностей. Противостоят (и противопоставляются) этому единству феноменов жизненного мира третьей природы реальные и иллюзорные феномены-угрозы (терроризм, экологический кризис, эпидемии и пр.). Вершину ценностной пирамиды занимает уровень производства феноменов (как ценностей, так и антиценностей), понять устройство и даже факт наличия которого могут только индивиды с инженерной рациональностью мышления. При этом наблюдается тенденция к расколу относительно единого в социальном плане ценностного мира, сформировавшегося в эпоху модерна, на ценности управляемых и ценности манипуляторов.

Список источников:

1. Агацци Э. Моральное измерение науки и техники. М., 1998. 343 с.
2. Шитиков М.М. Философия техники. Екатеринбург, 2004. 99 с.
3. Риккерт Г. Понятие философии // Логос. 1910. Кн. 1. С. 19–61.
4. Тялин И.Н. Новый тоталитаризм и государство справедливости: неизбежность выбора. М., 2019. 294 с.
5. Там же. С. 57.
6. Hildebrand D. von. Sittlichkeit und ethische Werterkenntnis. Wien, 1922. 205 s.
7. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М., 2002. 144 с.
8. Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999. 262 с.
9. Баева Л.В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории. Астрахань, 2004. 278 с.
10. The limits to growth. A report to the Club of Rome. N.Y., 1972. 205 p.
11. Фромм Э. Иметь или быть. Киев, 1998. 400 с.
12. Аттали Ж. Карл Маркс: Мировой дух. М., 2008. 405 с.

Информация об авторе

Д.В. Ковалев – аспирант кафедры философии Вологодского государственного университета, Вологда, Россия.

Information about the author

D.V. Kovalev – PhD student, Philosophy Department, Vologda State University, Vologda, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 06.09.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 27.09.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 07.10.2021.